
АРЕАЛЫ АКТИВИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИХ ТЕЧЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИХ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Р.А. Набиев, И.Я. Шакиров

Кафедра мировой политики и международных экономических отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия, 420008

В данной статье рассматривается проблема радикального ислама в регионе, называемом Ферганской долиной. Выявлены и описаны характерные особенности стран региона и факторы, способствовавшие распространению религиозно-экстремистских движений.

Регион, и без того имеющий высокий конфликтный потенциал ввиду нерешенных межгосударственных, межэтнических вопросов, является очагом роста радикальных религиозных течений. Возрождение ислама предопределило его дальнейшую политизацию, а далее ввиду объективных и субъективных причин — радикализацию. Процессы реисламизации, характерные для Центрально-Азиатских стран, в конце XX в. сопровождались попытками лидеров стран получить поддержку населения, сохранить власть. Радикальный ислам, в свою очередь, получил распространение и на территории близлежащих государств, в частности Российской Федерации. Таким образом, следует отметить, что неправильная трактовка основ традиционного ислама, распространение радикальных идей представляют собой угрозу стабильности и безопасности не только на национальном, но и на региональном, глобальном уровнях.

Важным в статье является рассмотрение причин возникновения радикально-экстремистских движений, а также увеличения числа последователей данных организаций в Ферганской долине. Авторами в исследовании дана оценка деятельности исламистских течений в трех странах Центрально-Азиатского региона, а также проведен сравнительный анализ ситуаций в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. В статье представлены различия в подходах и методах борьбы правительств Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана с некомформистскими религиозными движениями.

Основным выводом статьи является признание различия в принятых режимами соседствующих государств подходах по решению проблемы радикально настроенных исламистских течений. В статье отмечена высокая вероятность разрушения «хрупкой стабильности», возникшей в Ферганской долине.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, радикальный ислам, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан.

По своей сути ислам — религия мира и добра; вера, несущая своей целью упорядочивание жизни людей и обретение смысла бытия и счастья; религия, в которой не может быть никакого принуждения или применения силы. Приверженцы радикального ислама, зачастую прикрываясь Священным писанием, продолжают вести войну с неверными. Однако оправдание жестокости и террористической деятельности не совсем справедливо отождествлять с религией миллиардов людей. Религия — прикрытие, лозунг для привлечения масс, внешняя оболочка экстремизма, который по сути своей является экстремизмом политическим, так как пресле-

дует чисто политические цели. Сегодня радикальный ислам выступает на мусульманской сцене в роли динамичной политической и социальной силы [5. С. 250].

Данная проблематика привлекла внимание большого количества исследователей теоретических и прикладных наук и на сегодняшний день находится на повестке как зарубежных, так и отечественных научных деятелей. Бесконтрольное распространение идей ваххабизма, дальнейшая радикализация религии может поставить под угрозу социальную и экономическую стабильность на локальном, национальном и региональном уровнях, затрагивая жизненно важные интересы личности, общества и государства, и создать серьезные геополитические угрозы для «крупных игроков».

Особенностью радикального ислама является широкое распространение и популярность среди сельских мигрантов, безработных, проживающих в регионах, в которых предлагаемый радикальным исламом общественный порядок преподносится в качестве лучшей альтернативы уже существующему. Данный фактор предопределил особый характер ислама в Ферганской долине, расположенной на переплетении территорий трех стран региона (Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана).

Ферганская долина, которой характерны высокий темп прироста и многонациональность населения, неразвитость социально-экономической инфраструктуры, стала благоприятной почвой для развития радикальных течений ислама.

К причинам радикализации ислама в регионе имеет прямое отношение растущая пропасть в социально-экономической сфере между западными государствами и развивающимися странами. К тому же бедность и безработица в центрально-азиатском регионе, процессы глобализации и слабое технологическое развитие позволяет главным идеологическим центрам радикального толка расширять географию влияния и вербовать все новых последователей неадекватного восприятия сущности религии ввиду безграмотности населения стран региона в вопросах сущности самого ислама. К этому также стоит отнести затянувшиеся конфликты на национальной и религиозной почве (арабо-израильский, пакистано-индийский и т.д.) [10].

Говоря о факторах, способствовавших радикализации ислама в рассматриваемом регионе, нельзя не упомянуть и исторические процессы, происходившие на рубеже веков. В эпоху Советской власти коммунистическая идеология не позволяла проявить себя попыткам объективного изучения религии. Соответственно, образовался вакуум религиозной мысли, что выражалось в отсутствии проповедников традиционного ислама, образовательных учреждений. Более того, на пространстве бывшего СССР сдерживающие факторы стали своеобразным сжателем пружины, которая, в свою очередь, после распада союзного государства стремительно разжалась, выпустив наружу проявления религиозной нетерпимости, фанатизма как результат неверного, искаженного толкования основ религии.

Особую активность исламистские организации проявили в Узбекистане и Таджикистане, что объясняется географической близостью с Исламской Республикой Иран, Афганистаном и Пакистаном, а также развитой и древней системой ислам-

ских институтов. Можно утверждать, что именно в этих странах угроза роста экстремизма велика, и это неоднократно подтверждалось в период гражданской войны в Таджикистане (1992—1997 гг.), взрывами бомб в Ташкенте в феврале 1999 г., Баткентскими событиями.

Для Узбекистана период с начала либерализации общественно-политических и экономических отношений после распада Советского Союза ознаменовался ослаблением контроля государства над религиозной сферой, чем не замедлили воспользоваться различные элементы радикального ислама. Учитывая упомянутые ранее факторы, поддержку ряда мусульманских организаций арабских стран, процессы реисламизации в регионе и неготовность носителей и толкователей ханафитского мазхаба к этим процессам, можно утверждать, что была создана благоприятная среда, при которой в Узбекистане возникли такие организации, как «Адолат» («Справедливость», исламистская военизированная группа, организованная в 1991 г. в узбекском городе Намангане), «Товба» («Покаяние», создана в Намангане, своей целью объявила построение в Узбекистане исламского государства).

Примечательно то, что большинство новообразованных религиозных формирований были основаны в Ферганской долине. К 1992 г. в Андижане, Намангане и других городах Ферганы отмечены случаи захвата мечетей фундаменталистами различного толка.

Стоит отметить, что официальные власти Узбекистана достаточно либерально относились к религии и религиозно-политическим организациям. Президент Каримов посчитал, что противодействие радикальному исламу должно идти по пути государственной поддержки культурного и социального потенциала традиционного ислама. Помимо этого, причина столь лояльной политики государства в отношении религии заключалась в роли ислама как объединяющего фактора в становлении новой узбекской идентичности. В первую очередь, в действиях государства не была обеспечена системность социокультурно-правового регулирования при опоре на традиционный ислам, с учетом всеядности населения в вопросах восприятия общемусульманских внешних проявлений.

Проводимая с 1992 г. политика устранения неудобных властям представителей не только опасных радикальных групп, но и исламских лидеров с умеренными взглядами, вылилась в репрессии. Результатами данной «эффективной» политики секуляризации И. Каримова стали исчезновение многих умеренных исламских организаций, способных в будущем вести диалог с властями, эмиграция многих экстремистов в соседние государства региона, например в Таджикистан, а также еще большая радикализация деятельности данных организаций.

Запреты исламских организаций и последующее подозрение и преследование тысяч мусульман в сотрудничестве с исламистами вынудили радикальные исламские группы уйти в подполье. Следует отметить, что столь жесткие меры значительно осложнили количественную оценку состава и качественную оценку деятельности данных организаций и создали в какой-то степени трудности в нейтрализации распространения религиозно-политического экстремизма.

В конце 1990-х гг. активную деятельность проявило Исламское движение Узбекистана (ИДУ), оплот исламистского подполья. Загнанные жесткой политикой репрессий И. Каримова, последователи ИДУ наладили контакты и заручились поддержкой Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). Основная цель, в стремлении к которой последователи движения не чурались террористических актов, боевых операций — создание шариатского государства. Стратегической же целью стало вторжение на территорию Ферганской долины, жители которой, как предполагалось руководителями организации, должны были поддержать идею создания исламского государства.

В октябре 1997 г. в Наманганском районе Узбекистана произошла серия убийств сотрудников милиции, а в 1999 г. в Ташкенте была организована серия взрывов. Президент Узбекистана основной причиной взрывов в столице назвал деятельность исламистов, поддерживаемых из-за рубежа. В частности, Ташкент обвинил возглавляемую Неджметдином Эрбаканом Исламскую партию Рефах (Благоденствия) в поддержке терроризма, Турция отозвала своего посла. Около десяти школ с преподаванием на турецком языке закрыли, а более трехсот узбекских студентов, обучавшихся в Турции, были вынуждены вернуться на родину [3].

Стабилизации обстановки в связи с потенциальной угрозой агрессии со стороны отрядов ИДУ способствовала не только готовность правительства Узбекистана, но и широкомасштабная антитеррористическая операция, развернутая НАТО в Афганистане после 11 сентября 2001 г.

На сегодняшний день, учитывая жесткий прессинг со стороны государства и отсутствие смысла вступать в открытую конфронтацию с властью, исламистские группировки изменили тактику и перешли к ведению информационно-психологической войны. Правительство в рамках программы по сдерживанию распространения радикального ислама предпринимает меры по повышению качества исламского образования.

Тем не менее, следует отметить, что возникшее спокойствие нельзя считать постоянным, так как до сих пор в регионе сохраняется социально-экономическая напряженность. По-прежнему потенциал исламской оппозиции с проявлениями экстремизма достаточно высок.

Среда, благоприятствовавшая распространению религиозно-политического экстремизма в Таджикистане, довольно схожа с той, что была в Узбекистане. На заре своей независимости Таджикистан также искал пути своего развития, в стране существовали социально-экономические проблемы, общество было исламизировано, а власть на тот момент еще не окрепла. Однако в отношении Таджикистана имелась существенная особенность, которая заключалась в наличии исламской оппозиции, участвовавшей в политическом процессе, в лице «Исламской партии возрождения Таджикистана» (ИПВТ).

К концу XX в. в Таджикистане возник конфликт, переросший впоследствии в гражданскую войну, в которой непосредственное участие в рамках ОТО (создана в 1993 г. в Афганистане) приняла ИПВТ. Предпосылками возникновения конфлик-

та стали безработица, преобладание в экономике страны добычи хлопка, этнорегиональная клановость и отсутствие этнической интеграции. Исламский фактор, заигравший фундаменталистскими красками, также сыграл роль в развитии конфликта.

Конфликт разгорелся после президентских выборов, победу на которых одержал руководитель коммунистов Рахмон Набиев. Несогласные с результатами голосования представители оппозиции (Демократическая партия Таджикистана, ИПВТ, движение «Растохез») организовали митинги и голодовки. Позже лидеры ИПВТ перешли к вооруженной борьбе.

Подписание Общего соглашения 27 июня 1997 г. об установлении мира и национального согласия [7] ознаменовало конец четырехлетнего вооруженного конфликта в Таджикистане.

В рамках соглашения представители таджикской оппозиции получили 30% руководящих постов в структурах исполнительной власти и взяли на себя обязательство сложить оружие. Кроме того, в сопровождение к Соглашению были подписаны соответствующие протоколы [2], которые предусматривали амнистию заключенных сторонников ОТО и их включение в силовые структуры Республики Таджикистан, полномочия и функции Комиссии по национальному примирению, вопросы беженцев.

С. Олимова и М. Олимов выделяют следующие причины, побудившие ИПВТ перейти к вооруженной борьбе: ожесточение рядовых членов партии против коммунистического режима; региональные противоречия, дошедшие до максимума и заставившие людей взять в руки оружие; попытки региональных элит руками партий, в том числе и ИПВТ, перераспределить власть и государственную собственность; раздача Президентом Р. Набиевым 1700 стволов стрелкового оружия своим сторонникам, что послужило сигналом к открытой вооруженной борьбе для всех участников политического процесса; выдвижение коммунистами во время митинга (осень 1991 г.) на площади Озоди лозунга «Смерть исламу», что было равнозначно признанию себя кафирами, а против кафира джихад обязателен [8].

В целом, говоря о ИПВТ в постконфликтный период, следует заметить процессы дерадикализации взглядов и идей партии и выделить ее вклад в нейтрализацию радикальных исламских организаций. Это в первую очередь было обусловлено пониманием лидерами партии отсутствия предпосылок к победе в гражданской войне, а также резкого сокращения социальной базы, готовой поддерживать построение исламского государства агрессивными методами.

Однако существуют условия, при которых возможен рост влияния радикальных зарубежных организаций. Во-первых, социально-экономическое положение в стране все еще способно вызвать протесты среди населения, во-вторых, ИПВТ не приветствуется в областях Таджикистана, которые поддержали коммунистов. Таким образом, до сих пор существует недоверие между противниками по гражданской войне. В-третьих, многие радикальные организации в период мирного переговорного процесса остро критиковали ИПВТ за политику примирения с правительством и предательство исламских ценностей.

Говоря о ситуации в Кыргызстане, связанной с распространением радикальных религиозно-политических движений, следует отметить существенные отличия от ситуаций в Узбекистане и Таджикистане. До Баткентских событий обстановка в стране оставалась довольно спокойной, и этому способствовал ряд причин. Во-первых, население страны не столь исламизировано, как в соседних государствах, во-вторых, проведение правительством Киргизии либеральной политики в отношении религии. Однако это не означало полного отсутствия экстремистских элементов на территории страны.

Если внутренние факторы сыграли сдерживающую роль в нейтрализации радикальных элементов, то внешний фактор, а именно общие границы с нестабильными Узбекистаном и Таджикистаном, сыграл решающую роль в распространении религиозно-политического экстремизма. Именно приграничные южные территории, расположенные в Ферганской долине, стали местом аккумуляции различных радикальных групп.

Как отмечает А. Малашенко в своей работе «Ислам и политика в государствах Центральной Азии»: «...прежде всего в городах Ош и Джалал-Абад, а также Баткене ряд исламистских группировок добивались официальной регистрации от Министерства юстиции. В Оше и вокруг него, где по официальным данным действует свыше 1000 мечетей, заметно влияние фундаменталистской идеологии, главными носителями которой являются проживающие там узбеки, а также проникающие сюда агитаторы из Таджикистана. В 1996—1997 гг. в республике велась пропаганда в пользу создания исламской партии» [6].

Таким образом, очаг, созданный благодаря переплетению территорий, способствовал проникновению радикальной идеологии в Кыргызстан. Помимо этого миссионерской деятельностью отметились исламские организации и граждане арабских государств, Турции и Пакистана [4].

Особую нишу в распространении религиозно-политического экстремизма занимает организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения). В Кыргызстане свою деятельность организация начала в середине 1990-х гг. преимущественно в Оше и Джалал-Абаде. Репрессии в Узбекистане в начале 1990-х гг. по отношению к тахрировцам вынудили их скрыться в южных районах Кыргызстана, где и были созданы первые ячейки.

На сегодняшний день «Хизб ут-Тахрир» открыто проводит информационную деятельность в целях популяризации идеи построения исламского государства. При этом благодаря техническим возможностям и совершенствованию методов работы с населением увеличивается количество последователей данного движения.

Кыргызстан в отличие от Узбекистана и Таджикистана является полем деятельности еще одной проникнутой одержимостью радикальной религиозной организации — «Таблиги джамаат». Данная организация специализируется на пропагандистской деятельности, привлекая все большее число последователей среди молодежи. Таким образом, ненасильственное внедрение радикальных идей в умы молодежи становится причиной искаженного представления об исламе.

Столь либеральная политика Бишкека в отношении различных религиозно-экстремистских формирований вызывает сильное негодование со стороны Ташкента и является одним из факторов осложнения двусторонних узбекско-кыргызских отношений. Неразрешенность вопроса по границам только способствует дестабилизации отношений между государствами и приводит к вооруженным стычкам на спорных участках границ.

В период после распада СССР был дан старт формированию в бывших постсоветских республиках Центральной Азии определенной группы состоятельных и богатых лиц, не заинтересованных в преобразованиях в экономике, в создании необходимых социальных условий для всего населения. В существующих обстоятельствах население стран и регионов при удручающей обстановке легко поддается влиянию иных идеалов, не свойственных традициям и самой сути ислама.

Как показывает практика, если в обществе сложившаяся определенная система ценности разрушается, то ослабляются ресурсы удовлетворения верующего населения эмоционально воспринимаемыми принципами справедливости, действующими в тот момент. Как обычно бывает, на смену ей приходит другая религия или религиозное направление. Особо заметно эти процессы проявились в Ферганской долине, которая на сегодняшний день является пороховой бочкой Евразии. Межэтнические конфликты, распространение радикального ислама, нерешенность вопросов межгосударственных отношений — конфликтный потенциал, представляющий серьезную угрозу безопасности региона и соседствующих государств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Асташинок Ю.Р.* Феномен экстремизма. Возникновение и развитие // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6.
- [2] Завершенные операции ООН по поддержанию мира, Соглашения и договоры, касающиеся положения в Таджикистане. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unmotagr.htm>.
- [3] *Касенова Н.* Религиозный экстремизм в Центральной Азии — предсказание, которому помогают сбыться // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 10.
- [4] *Князев А.* Афганистан как источник религиозного экстремизма и терроризма год 2000 // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 11.
- [5] *Левитин Л.* Узбекистан на историческом повороте. М.: Вагриус, 2001.
- [6] *Малашенко А.* Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 11.
- [7] Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане (Москва, 27 июня 1997 года). URL: <http://www.tajikistan.turkestan.ru/tj/konflikt/documents/o.html>.
- [8] *Олимова С., Олимов М.* Исламская партия возрождения в межтаджикском конфликте и его урегулировании // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).
- [9] *Тагильцева Ю.Р.* Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 99—103.
- [10] *Evans L.* The Rise of Islamic Extremism in Central Asia. URL: www.isop.ucla.edu/article.asp?parentid=23631.
- [11] *Esposito J.* The Islamic Threat: Myth or Reality? Oxford University Press, 1999.

THE AREAS OF ACTIVATION OF ISLAMIC FUNDAMENTAL MOVEMENTS IN THE POST-SOVIET CENTRAL ASIAN STATES

R.A. Nabiev, I.Y. Shakirov

The Department of World Politics and International Economic Relations
Kazan (Volga region) Federal University
Kremlevskaya str., 18, Kazan, Russia, 420008

This article deals with the problem of radical Islam in the Fergana valley. Main characteristics of the region and the factors that contribute to the spread of extremist religious movements have been identified and described by the authors.

The region that already has a high potential for conflict because of unresolved inter-state, inter-ethnic issues is a storm center of radical religious movements' development. The revival of Islam has predetermined its further politicization, and then because of objective and subjective reasons its radicalization. The processes of re-islamization typical for Central Asian countries in the late twentieth century, accompanied by attempts of the leaders to get the support of the population. Radical Islam, in turn, became widespread in the territory of neighboring countries, in particular the Russian Federation. Thus, it should be noted that improper treatment of the foundations of traditional Islam, the spread of radical ideas represent a threat to stability and security not only at national but also at regional and global levels.

Causes of the radical extremist movements, as well as increasing number of followers of these organizations in the Fergana Valley are important part of the article. The authors of the paper have assessed the activities of Islamic movements in the three countries of the Central Asian region, as well as a comparative analysis of the situation in Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan have been provided. The article presents the differences in the approaches and methods of struggling of the governments of Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan against nonconformist religious movements.

The main conclusion of the article is the recognition of the diversity within the accepted approaches of neighboring states to solve the problem of radical Islamist movements. The article notes the high probability of downfall of the "fragile stability" that occurred in the Ferghana Valley.

Key words: Religious extremism, radical Islam, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan.

REFERENCES

- [1] Astashonok Y.R. The phenomenon of extremism. The emergence and development. *The world of science, culture, education*. 2013. No 6.
- [2] Completed operations of UN peacekeeping, treaties and agreements concerning the situation in Tajikistan. Available at: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unmotagr.htm>.
- [3] Kasenova N. Religious Extremism in Central Asia — a prediction that is helped to come true. *Central Asia and the Caucasus*. 2000. No 10.
- [4] Knyazev A. Afghanistan as a source of religious extremism and terrorism, 2000. *Central Asia and Caucasus*. 2000. No 11.
- [5] Levitin L. Uzbekistan on a historical turning. Moscow: Vagrius, 2001.
- [6] Malashenko A. Islam and Politics in Central Asia. *Central Asia and Caucasus*. 1999. No 11.
- [7] General Agreement on the Establishment of Peace and National Accord in Tajikistan (Moscow, June 27, 1997). Available at: <http://www.tajikistan.turkestan.ru/tj/konflikt/documents/o.html>.
- [8] Olimova S., Olimov M. Islamic Revival Party in the inter-Tajik conflict and its settlement. *Central Asia and the Caucasus*. 2001. No 1 (13).
- [9] Tagiltseva Yu.R. Extremist materials as a tool for information-psychological war. *Political linguistics*. 2012. No 3 (41). P. 99—103.
- [10] Evans L. The Rise of Islamic Extremism in Central Asia. Available at: www.isop.ucla.edu/article.asp?parentid=23631.
- [11] Esposito J. *The Islamic Threat: Myth or Reality?* Oxford University Press, 1999.